

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ МАРИЙСКОГО НАРОДА

С 23 по 25 декабря 1965 г. в г. Йошкар-Ола проходила научная сессия, посвященная вопросам этногенеза марийского народа. В сессии, организованной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории, приняло участие около 350 человек из 15 городов Советского Союза. Было заслушано 55 докладов и сообщений. В работе сессии участвовали представители многих смежных наук: лингвисты, археологи, антропологи, этнографы, фольклористы, историки. При этом примечательно, что многие доклады носили характер комплексного исследования, в котором использованы как языковые, археологические, так и, например, этнографические данные.

В большом количестве были представлены языковеды. Доклад Б. А. Серебряникова (Москва) был посвящен очень обширной теме — «Происхождение марийского народа по данным языка». Докладчик прежде всего исследовал топонимические данные, на основе которых пришел к выводу, что в прежнее время марийцы занимали значительно большую территорию, чем теперь. Марийцами была заселена часть современной Кировской области, Татарии, Удмуртии и древняя территория Чувашии. Автор высказал предположение, что когда-то существовала целая «группа марийских языков», западным представителем которой был мерянский.

На основе общих черт марийского и мордовских языков, а также их сравнения с прибалтийско-финскими языками автор предположил, что древнемарийский язык в общих чертах сформировался где-то в средней России. Сравнение с пермскими языками позволило докладчику встать на уже до этого известную точку зрения, что типологически марийский язык ближе к пермским, чем мордовским и прибалтийско-финским языкам. Автор коснулся также вопроса взаимоотношений марийцев с тюркскими народами. В результате этих контактов марийский язык приобрел целый ряд черт, свойственных тюркским языкам, и большое количество заимство-

ванных слов. В то же время марийский язык оказал значительное влияние на языки своих соседей, особенно на грамматический строй чувашского языка. Вторжение тюркских народов в Волго-Камье обусловило передвижение марийцев в более северные районы.

В заключение Б. А. Серебряников говорил о формировании в Волго-Камье на основе контактов тюркских и финно-угорских языков так называемой Волго-Камской языковой зоны, к которой относятся чувашский, татарский, башкирский, марийский, удмуртский и коми-пермяцкий языки. В докладе совершенно справедливо подчеркивалось, что при исследовании этих языков необходимо учитывать их чисто зональные особенности.

В своем докладе «Топонимика марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа» И. С. Галкин (Йошкар-Ола) разделил топонимы, встречающиеся на территории распространения марийцев, на две группы. В первую из них докладчик поместил названия, легко поддающиеся анализу на основе современного языка. Сюда относятся топонимы с формантами: *-eŋer*, *-jer*, *-kup*, *-nur*, *-lap*, *-tür*, *-rodo*, *-jal*, *-ümbal*, *-an* и др. Вторую группу составляют названия, происхождение которых трудно или даже поначалу совсем невозможно объяснить. Речь идет о топонимах с формантами: *-beljak*, *-ma*, *-ša*, *-ba*, *-mas* (~ *-maš*), *-jeran* и др. Среди них есть элементы пермского, угорского и тюркского происхождения. Марийская топонимика, кроме Марийской АССР, нашла распространение в Чувашии, на севере Татарии, северо-востоке Горьковской и юге Кировской областей. И. С. Галкин приходит к выводу, что предки марийцев до прихода тюркоязычных племен на Среднюю Волгу располагались несколько южнее и западнее, чем сейчас.

Л. П. Грузов (Йошкар-Ола) в выступлении «Фонетика диалектов марийского языка в связи с проблемой происхождения марийцев» признал наиболее существенными диалектными различиями — фонетические. Он привел звуковые со-

ответствия из различных диалектов и пришел к выводу, что подобные соответствия могут быть лишь результатом неодинакового изменения некогда существовавшей в диалектах единой системы фонем прамарийского периода. Автор считает, что более архаичными следует признать диалекты, сохранившие полный ряд редуцированных гласных, т. е. *ä, ə, u, y* (прежде всего северо-западное наречие). В области согласных более древние черты сохранились в некоторых восточных диалектах: в них имеется полная система щелевых — *s, ś, š* и *z, ź, ž* и аффрикаты *tš* и *tṣ̌*. Лабиальный сингармонизм в говорах лугового и восточного наречий докладчик связал с влиянием тюркских языков.

Выступление Ф. И. Гордеева (Йошкар-Ола) «Ирано-тюркские заимствования в марийском языке» было посвящено разбору иранских и тюркских элементов в марийской лексике и других сферах языка. В волжских и пермских языках автором отмечено много общих иранских заимствований. Кроме того, иранские заимствования попадали в марийский язык и позже, в период его самостоятельного развития. Автор находит в марийском синтаксисе целый ряд тюркских черт (притяжательная и послеложная конструкции), которые другими исследователями толковались и по-иному.

Д. Г. Казанцев (Йошкар-Ола) в своем сообщении «Общая и отличительная лексика горного и лугового наречий марийского языка и вопрос разделения мари на горных и луговых» рассматривал вопрос о том, как объясняются лексические различия в современных диалектах. И в этом выступлении основное внимание обращалось на влияние соседних языков. Автор нашел, что различия между горным и луговым наречиями в области лексики, которые на первом этапе существования древнемарийского языка были незначительными, резко увеличились на втором этапе, когда в основы названных марийских диалектов из разных источников и в разное время проникла масса тюркских слов.

В обширном докладе «Истоки финно-угорских народов» А. Х. Халиков (Казань) попытался осветить вопросы фор-

мирования финно-угорских народов, увязывая языковедческие теории с данными археологии. Докладчик полагает, что уральское языковое единство существовало в мезолите и раннем неолите, т. е. в X—V тыс. до н. э. В это время в Волго-Камье и Приуралье выделяется своеобразная культурная область с макролитическими кремневыми комплексами, которую, по его мнению, следует связывать с уральской языковой общностью. На грани мезолита и неолита наблюдается распад волго-камско-уральской мезолитической общности на две группы — западную (в Волго-Камье и Западном Приуралье) и восточную (в Приобье и Зауралье). Это явление А. Х. Халиков рассматривает как образование финно-угорской на западе и самодийской на востоке языковых семей.

Отделение финно-пермской группы от угорской произошло на рубеже неолита и эпохи металла. В период от середины III до середины II тыс. до н. э. финно-пермской общности должна соответствовать, по мнению А. Х. Халикова, воловская культура, вырастающая на базе волго-камского неолита. Более восточные — уральские и зауральские племена — составили основу угорской группы. На рубеже III — II тыс. до н. э. воловские племена начинают распространяться в более западные районы Восточной Европы. В течение II тыс. до н. э. они испытывают воздействие разных племен и постепенно распадаются на две группы.

Докладчик полагает, что в эпоху раннего железа, т. е. в I тыс. до н. э., существовали лишь две большие финно-угорские группы: восточная — пермоволжская (ананьинская культура) — и западная — общность прибалтийских и западно-волжских финнов (городецко-дьяковская культура). Процесс формирования отдельных народностей финно-угорской языковой системы он относит к I тыс. н. э. При формировании марийских племен отчетливы следы двух компонентов — городецко-дьяковского и пьяноборского, продолжающего ананьинские традиции.

В докладе «Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.)» Г. А. Архипов (Москва) говорил, что при изучении материальной культуры марийцев IX—XI вв. можно вы-

делить в основном два компонента, характерных для двух больших районов Восточной Европы — Прикамско-Уральского и Волго-Окского. Кроме того, можно отметить и ряд черт, общих с народами лесостепной и степной полос европейской части СССР. Объяснение этому факту мы можем найти в событиях начала и середины I тыс. н. э. В V—VII вв., по мнению докладчика, началось непосредственное формирование марийской культуры, а также, по-видимому, марийской народности. Об этом свидетельствуют некоторые археологические памятники V—VII вв. Материал из этих памятников позволяет довольно четко выделить два основных компонента (позднегогородский и пьяноборско-азелинский) и элементы лесостепных и степных культур. При этом налицо процесс формирования новой культуры на базе этих культур.

Из-за отсутствия соответствующих материалов трудно говорить о непосредственном участии ананьинских племен в этногенезе марийцев, хотя имеется ряд черт, связывающих марийскую культуру с ананьинской.

В. Ф. Генинг (Свердловск) в своем докладе «Мерянская этническая общность» выделил среди археологических памятников Верхнего и Среднего Поволжья, датированных рубежом I—II тыс. н. э., четыре группы: костромская меря, ростовская меря, мурома и предки марийцев (в Волго-Вятко-Ветлужском междуречье). В культуре всех этих групп обнаруживается много сходства. Поэтому следует предполагать этническую общность, которой В. Ф. Генинг дал название — мерянская этническая общность. Предкам этих племен принадлежала, по-видимому, восточно-дьяковская группа памятников начала I тыс. до н. э.

В докладе «Меря и мари» Е. И. Горюнова (Москва) отметила, что большая часть мерянских племен ушла от славянской колонизации к востоку и северо-востоку и изменила название «меря» на «мари». Субстратом, из которого формировались меря и мари, были племена дьяковской культуры.

Вопросам антропологии марийцев были посвящены доклады М. С. Акимовой (Москва) «Происхождение марийского народа по данным антропологических

материалов» и К. Марк (Таллин) «Современная антропология марийцев в связи с вопросом этногенеза мари». Марийцы, также как и соседние народы Среднего Поволжья и Приуралья, относятся к уральской расе. Признаки этой расы были характерны для их предков уже в эпоху неолита. По многим признакам марийцы занимают промежуточное положение между мордвой, особенно мордвой-мокшей, и удмуртами, но ближе к удмуртам. Кроме того, у марийцев наблюдается большое сходство с чувашами. В этногенезе марийцев в довольно значительной мере участвовали, по-видимому, пермские финно-угры, но известную роль, особенно в процессе формирования горных марийцев, играли также племена, близкие к мордовским. Общие черты с чувашами объясняются, с одной стороны, общими финно-угорскими предками, а с другой стороны тем, что марийцы, по всей вероятности, смешивались с некоторыми болгарскими элементами. Об этом свидетельствует более сильная монголоидная примесь и более темная пигментация у марийцев по сравнению с соседними финно-угорскими народами.

В докладе К. И. Козловой (Москва) «Этногенез и этнические связи марийцев по данным этнографии» отмечалось, что материальная культура марийцев позволяет выделить среди них территориально-племенные группировки, в значительной степени совпадающие с диалектологическими. Кроме того, этнографические материалы говорят о тесной связи марийцев с удмуртами, мордвой, особенно мокшей, и северными чувашами.

О том, что в материальной культуре марийцев, особенно при анализе марийского народного костюма, можно найти много черт, аналогичных с другими народами Поволжья — мордвой, удмуртами, чувашами, татарами и т. д., говорила также Т. А. Крюкова (Ленинград) в своем докладе «Материальная культура марийцев как один из источников решения вопроса об этногенезе». Этнографии был посвящен также доклад Т. А. Сеппеева (Йошкар-Ола) «К вопросу о формировании этнографических особенностей восточных марийцев».

Марийскую фольклористику представлял на сессии В. А. Аккорин (Йошкар-Ола)

докладом «Этногенез марийского народа по данным фольклора». Т. К. Самородов (Саранск) показал параллели в марийских и мордовских поговорках. Ряд проблем фольклористики затронул В. Я. Евсеев (Петрозаводск).

Отдельных аспектов истории марийцев коснулись Г. Н. Айплатов (Москва)

в сообщении «Расселение марийцев во второй половине XVI—XVII вв.» и К. Н. Сануков (Йошкар-Ола) в выступлении «Первые сведения письменных исторических источников о древних марийцах».

КАРИН МАРК, ПАУЛЬ КОКЛА
(Таллин)

Pauli Saukkonen, Itämerensuomalaisten kielten tulosjainfinitiivirakenteiden historiaa I, Helsinki 1965. 275 S.

In seiner Arbeit setzt sich P. Saukkonen das Ziel, die syntaktischen Funktionen von zwei Infinitiven der ostseefinnischen Sprachen (nach der finnischen Terminologie Lativ des 1. und Illativ des 3. Infinitivs) und ihre gegenseitigen Beziehungen zu klären. Die Einleitung enthält vor allem eine morphologische Übersicht über das ganze Infinitivsystem der ostseefinnischen Sprachen. Darauf wird untersucht, mit welchen Verben der Lativ des 1. Infinitivs resp. der Illativ des 3. Infinitivs gebraucht werden. Je nachdem die Verben intransitiv oder transitiv sind, werden sie in zwei große Gruppen zusammengefaßt. Zum besseren Verständnis der Eigenart und des Alters der Infinitivkonstruktionen wird vielfach die Etymologie des Prädikatsverbs gegeben. Mit den Folgerungen des ersten Teils der Arbeit wird man im allgemeinen einverstanden sein müssen, da der Verfasser zur Unterstützung seiner Behauptungen sowohl aus den ostseefinnischen Sprachen als auch aus der lapplischen Sprache und aus anderen verwandten Sprachen zahlreiche Beispiele heranzieht wie auch auf Entlehnungsmöglichkeiten hinweist.

In der vorliegenden Rezension wird das Hauptaugenmerk darauf gerichtet, wie P. Saukkonens Werk die der estnischen Sprache eigenen Ausdrucksmöglichkeiten widerspiegelt. Das estnische Material der Arbeit entstammt der älteren Schriftsprache, den Dialektpublikationen und den Grammatiken (insbesondere der Grammatik von F. J. Wiedemann). Dialektbeispiele wurden auch der Kartei des Instituts für Sprache und Literatur der Akademie der Wissen-

schaften der Estnischen SSR entnommen. Außerdem wurde die heutige Schriftsprache berücksichtigt. Obgleich die Beispiele im allgemeinen korrekt und die entsprechenden Schlüsse meist richtig sind, ist es dem Verfasser nicht überall gelungen, sich im heterogenen Material genau zu orientieren.

Es scheint, daß P. Saukkonen den Denkmälern der älteren Schriftsprache und Wiedemanns Grammatik stellenweise allzuviel Glauben schenkt. So bringt die letztere zur Illustration des Adessivs resp. des Allativs des 3. Infinitivs die folgenden Beispiele: *ütles, et ma pidin mahajäämal olema* 'sie sagte, daß ich der Entbindung nahe sei' und *saadud veeti kokku kuhja loomale* 'die Heuhaufen wurden zusammengeführt zum Einrichten des Schobers'. Auf gleiche Weise behandelt das auch P. Saukkonen (S. 33, 34). Schon aus der deutschen Übersetzung geht es aber hervor, daß dieses vielmehr durch *ma*-Suffixe gebildete Nomina sind, ganz wie *elämä, juoma* u. a. im Finnischen. (Wiedemanns Grammatik behandelt sie auf S. 173.) S. 184—185 kann man damit nicht einverstanden sein, daß zu den Verben *aitama, leidma, sallima* der Illativ des 3. Infinitivs gehört (die Beispiele sind der älteren Schriftsprache und der Grammatik von Ahrens entnommen). In den estnischen Dialekten tritt neben dem Verb *aitama* meistens der Lativ des 1. Infinitivs auf (*ma aita kõrvalt vädada Jämaja*)¹; für *sallima*

¹ Die Dialektbeispiele werden vereinfacht transkribiert.